

9. Рубина С.Б. Ирония как структурообразующий принцип пьесы Е. Шварца «Дракон»// Содержательность художественных форм: Межвузовский сборник. – Куйбышев: Издательство Куйбышевского университета, 1986. – С. 61-77.
10. Шварц Е.Л. Предчувствие счастья: Дневники. Произведения 20-30-х годов. Стихи и письма. – М.: Корона-принт, 1999. – 656с. (Все ссылки в тексте даны по этому изданию.)
11. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Избранные произведения: В 3-х томах. – Т.2. – М.: Политиздат, 1970. – С. 592-625.

Поступила 13.09.2004 г.

ТВОРЧЕСТВО С.И. СМИРНОВОЙ-САЗОНОВОЙ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ 1870-Х ГОДОВ

Я.П. Кравченко

В статье утверждается мысль о несоответствии творчества С.И. Смирновой-Сазоновой принципам беллетристической школы М.Е. Салтыкова-Щедрина. Рассматривается эволюция образа «нового человека» в романах писательницы: «Огонек», «Соль земли», «Сила характера».

Ключевые слова: беллетристика, «общественный» роман, «новый человек», «новая женщина»

В статті стверджується думка про невідповідність творчості С.І. Смирнової-Сазонової принципам белетристичної школи М.Є. Салтыкова-Щедрина. Розглядається еволюція образу "нової людини" в романах письменниці: "Вогник", "Сіль землі", "Сила характеру".

Ключові слова: белетристика, "суспільний роман", "нова людина", "нова жінка"

There is a thought about discrepancy of Smirnova-Sazonova's creation to the principles of Saltykov-Schedrin's fiction school. It considers also to the evolution of the image of "new man" in the writer's novels: "The Flame", "The Salt of the Earth", "Strength of Character".

Key words: fiction, "public novel", "new man", "new woman"

Постановка проблемы. В русском культурном лексиконе второй половины XIX в. понятие «беллетристика» утверждалось исключительно в нейтральном, классификационном значении. Так называли всю текущую, только что вышедшую литературу, или, точнее, прозу, таким образом отличая ее от поэзии и драматургии. Беллетристика и производные от этого слова свободно употреблялись в литературной среде (см., например, высказывания А.П. Чехова [1, с.258], И.А. Гончарова [2, с.6]).

В последующий период развития литературоведения происходит кардинальное изменение представлений об этом историко-литературном феномене. Понятие «беллетристика» снижается, приближается к значению «бульварная литература». В новейшей энциклопедии термин «беллетристика» однозначно связывается с «прозаическими произведениями невысокого художественного уровня» [3, с.79]. В высказываниях современных критиков и литературоведов нередко наблюдается высокомерное отделение так называемой классики от беллетристики. Превратно используемая терминология приводит к исчезновению подлинности в картине литературной реальности.

В последние годы традиционное толкование исторических понятий и терминов литературоведения восстанавливается. В связи с этим необходим пересмотр тех стереотипов идеологического и социологического происхождения, которые долгое время определяли оценку художественных произведений в угоду тем или иным общественно-политическим интересам.

Цель данного исследования состоит в попытке преодоления заведомо сортировочного подхода к русской беллетристике 1870-х гг., пересмотре традиционного представления о С.И. Смирновой-Сазоновой как второстепенной писательнице.

Формирование беллетристического массива неотделимо от истории литературно-художественных направлений и школ, которые могли реализовать себя лишь постольку, поскольку поощряли деятельность писателей-беллетристов. В 1860-1880-х гг. литературными центрами были журналы; они стремились объединить вокруг себя близких по идейно-художественным целям

писателей, направляя их творчество, выступая в качестве организаторов литературных школ. Примером такого объединения является литературная школа М.Е. Салтыкова-Щедрина, которая активно формировалась в 1860-1880-е гг. вокруг журнала «Отечественные записки». В беллетристическую школу Щедрина входили: Г.И. Успенский, Ф.М. Решетников, Н.А. Благовещенский, Н.Н. Златовратский, Н.Е. Каронин-Петропавловский, А.О. Осипович-Новодворский, П.Ф. Засодимский, Н.И. Наумов, И.А. Кушевский, Д.К. Гирс, П.Д. Боборыкин, О.А. Шапир, Н.Д. Хвоцинская, Л. Ожигина и др.

В творческой практике этих писателей воплощалась литературно-эстетическая концепция М.Е. Салтыкова-Щедрина. Разработанная им теория «общественного романа» предполагала создание нового типа положительного героя – революционера-практика, движимого идеей революционного освобождения народа. Обязанностью литературных учеников Щедрина было «правдивое, неприкрашенное изображение общественной жизни во всей ее реальной сложности, со всеми присущими ей в данную эпоху настроениями, идеями, историческими противоречиями» [4, с.602].

В 1870-е гг. на страницах «Отечественных записок» появились романы Софьи Ивановны Смирновой-Сазоновой: «Огонек» (1871), «Соль земли» (1872), «Попечитель учебного округа» (1873), «Сила характера» (1876), «У пристани» (1879). Критика увидела в молодой писательнице продолжательницу традиций беллетристической школы «Отечественных записок». В статье «Беллетристы-фотографы» М.К. Цебрикова, которая отражала общую позицию журнала в области литературной критики, рассматривала «Огонек» и «Соль земли» С.И. Смирновой параллельно с романами П.Д. Боборыкина «Солидные добродетели», «Посестрие» и «По-американски» и романом И.А. Кушевского «Николай Негорев, или Благополучный россиянин». Отмечая достоинства стиля, содержательной основы и художественной характерологии романов С.И. Смирновой, М.К. Цебрикова, однако, упрекает писательницу в неумении создать образ положительного героя, имея в виду, по всей видимости, героя щедринского типа. Впоследствии произведения С.И. Смирновой интерпретировались исключительно в связи с беллетристикой щедринской школы и главным критерием оценки было соответствие концепции «общественного романа».

Результатом такого подхода стало то, что в советском литературоведении С.И. Смирнова оказалась во втором (если не в третьем) ряду «подмастерьев» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Исследователи истории «Отечественных записок» (М.В. Теплинский, В.Б. Смирнов, Н.П. Емельянов, В.И. Кулешов) сошлись во мнении, что ее произведения не вполне соответствуют литературно-эстетической концепции «общественного романа», сложившейся в журнале. Так, В.Б. Смирнов называет романы С.И. Смирновой-Сазоновой в числе произведений с «приглашенной идеологичностью», «выбивающихся из журнального контекста» [5, с.83]. В рамках данного исследования нам представляется необходимым установить, в чем заключается «приглашенная идеологичность» романов С.И. Смирновой-Сазоновой и их несоответствие концепции «общественного романа».

Проблематика «общественного романа» была связана с характерными для литературы того времени тенденциями: во-первых, исследованием социальных основ русской жизни, выявлением закономерностей влияния социальных проблем на нравственное состояние общества; во-вторых, художественным обоснованием формирования новой этики, связанной с созданием новых концепций личности.

Ключевым направлением в разработке теории «общественного романа» для авторов «Отечественных записок» была проблема положительного героя. На первый план в произведениях беллетристов щедринской школы выступила концепция «нового человека». Главным направлением творческих исканий писателей стало постижение личности нового положительного героя – народника-интеллигента. Образ «нового человека» подразумевал самоотверженное и бескорыстное служение народу, трезвый аскетизм, осознание обязанности подвига и даже самопожертвования во имя интересов народа. Художественной задачей беллетристов «Отечественных записок» было изображение нравственной сущности такого героя, его сознательной преданности общественному долгу. «Новые люди» – это преобразователи, носители новой этики, люди, близкие народу. Такими представляли перед читателями Третьяков из романа Н.А. Благовещенского «Перед рассветом» (1865-1873), Андрей Негорев и Сергей Оверин из романа И.А. Кушевского «Николай Негорев, или Благополучный россиянин» (1871), Василий Телентьев из романа Д.К. Гирса «Старая и юная Россия» (1868-1870), Александр Светлов из романа И.В. Оммулевского «Шаг за шагом» (1870) и др.

К созданию образов «новых людей» обращается и С.И. Смирнова-Сазонова. В первом романе «Огонек» писательница соблюдает все характерные признаки «общественного романа». Главный герой, Арсений Филиппович Домейко, задуман как традиционный тип «нового человека» – пропагандист-народник. В «общественном романе» образ деятеля утверждался как героический. Все

случайное и поверхностное из его характера исключалось за счет усиления героического начала. В облике и характере Домейко С.И. Смирнова не только акцентирует героизм, но наделяет своего героя чертами мученичества и жертвенности. Особый набор индивидуальных черт и особенностей поведения Домейко позволяет читателю соотнести его с типом «нового человека», реализующего себя в подвиге во имя блага народа.

Однако на протяжении романного действия образ «нового» героя приобретает неожиданные для данного типа характеристики. Общественно полезная суть созданной им с возвышенными экономическими целями ассоциации оказывается извращенной людьми, жаждущими обогащения. В этой ситуации Домейко не находит в себе сил и мужества противостоять хищничеству собратьев-акционером и переходит на их сторону. Он сознательно соглашается на поругание своей идеи. Столкновение героически-деятельной личности с враждебной ей действительностью, характерное для «общественного романа», в произведении С.И. Смирновой не состоялось. Задуманный автором как героический деятель-народник, Домейко становится псевдогероем, не способным реализовать себя в общественно полезной деятельности.

Во всех последующих произведениях С.И. Смирновой «новый человек» нарушает нравственные законы жизни, превращаясь в псевдогероя. Агроном Черник из романа «Соль земли» увлечен устройством промышленного общества для крестьян на новых началах. Однако его энтузиазм основан на интригах и коварном расчете. В образе Черника С.И. Смирнова, по нашему мнению, откровенно пародирует «новых людей» рахметовского типа. В романе Н.Г. Чернышевского сказано, что они «цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли» [6, с.267]. В романе С.И. Смирновой «солью земли» настойчиво именуется псевдонародник Черник, цинично использующий людей для достижения своих целей. Писательница с присущим ей сарказмом развенчивает устоявшиеся представления о «новом человеке», компрометирует традиционный тип героя, доказывая его ущербность и несостоятельность.

«Новый человек» в художественном мире романов С.И. Смирновой обладает непомерной гордыней и самолюбием, поэтому не способен принести себя в жертву избранным идеалам. Писательница также опровергает представление о том, что счастье героического деятеля состоит в реализации его общественной программы. С.И. Смирнова в своих романах подвергает «нового человека» испытанию страстью. Мотив страстной любви-ненависти неизменно присутствует во всех произведениях писательницы и является основным двигателем сюжета. Поддавшись влиянию страсти, предает народнические идеалы Денис Ракитин, герой романа «Огонек». Черник (роман «Соль земли») поработает страстно любимую им Анну Корсакову. Фатальная страсть Солового (роман «Сила характера») разрешается убийством любовницы и самоубийством. Истинный герой в понимании С.И. Смирновой – тот, кто максимально реализует себя в любви, до конца остается верным страсти. Недостаточно преданный страсти герой выглядит ущербным и неизменно терпит поражение.

Иной в творчестве С.И. Смирновой была и трактовка образа «новой женщины». Проблема эмансипации необычайно волновала читателей и сотрудников «Отечественных записок». К разработке образа «новой женщины» обращались многие беллетристы щедриновской школы: Марко Вовчок в романе «Живая душа», Л. Ожигина в романе «Своим путем», Г. Успенский в цикле очерков «Разоренье», Ф. Решетников в романе «Свой хлеб» и др. В этих произведениях воплощалась идея приобщения женщины к общественно-полезной деятельности.

«Новые женщины» С.И. Смирновой тоже стремятся реализовать себя в различных сферах общественной деятельности: Клавдия Ракитина («Огонек») участвует в организации «Общества дешевого продовольствия», Анна Корсакова («Соль земли») интересуется делами промышленного кредитного общества, Любовь Федоровна («Попечитель учебного округа») ведет административные дела мужа, Нина Огнева («У пристани») посвящает себя революционной деятельности. На примере этих героинь С.И. Смирнова, казалось бы, демонстрирует силу женской самостоятельности, однако, в действительности самостоятельность оказывается мнимой, потому что судьбы этих сильных личностей всецело зависят от воли мужчин. В результате ни одна из «новых женщин» С.И. Смирновой не достигает намеченной цели: Клавдия гибнет, Анна поработана коварным Черником, Любовь Федоровна оказывается причастной к мистической секте, будущее Нины Огневой-революционерки туманно. Таким образом, С.И. Смирнова демонстрирует свое скептическое отношение к проблеме эмансипации.

Образу «новой женщины» С.И. Смирнова предпочитает тип экстравагантной, властной светской львицы. Героиня этого типа – роковая женщина, поведение и поступки которой непредсказуемы. Она характеризуется властностью, способной переродиться в деспотичность и разрушительную озлобленность. Эта героиня чрезвычайно импульсивна и эмоциональна, ее поведение зачастую неадекватно – от кротости до неприкрытой агрессии. Она является воплощением неудержимой

любовой страсти, которая, как правило, не удовлетворяется. Эмма Андреевна («Огонек»), Рашель («Соль земли»), Надежда Николаевна («Сила характера») ищут шокирующих драматических эффектов, предельно театрализуют манеру поведения. Кроме этого, героиням С.И. Смирновой присуща внушаемость, склонность к фантазированию, стремление привлечь к себе внимание.

Выводы.

Трактовка «новых людей» в романах С.И. Смирновой-Сазоновой не соответствовала литературному манифесту складывающейся в «Отечественных записках» беллетристической школы. Вместо конфликта героически-деятельной личности с враждебной ей действительностью писательница изображает по преимуществу внутренние конфликты личности.

Соприкосновение произведений писательницы с эстетическим сознанием современной эпохи порождает новые интерпретации. Предметом дальнейшего изучения станет специфика женского письма С.И. Смирновой-Сазоновой, которая до сих пор остается неизученной.

Литература:

1. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах: Письма в 12-ти томах. – Т. 5. – М.: Наука, 1976. – 563 с.
2. Письмо И.А. Гончарова К.П. Победоносцеву. Публикация Н.А. Рабкиной / Литературная газета. – 1992. – 23 сентября. – С. 6.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н.Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – Стлб. 79.
4. Фридлиндер Г.Н. Национальное своеобразие и мировое значение русского романа // История русского романа: В 2 т. – Т. 2. – М.-Л.: Наука, 1964. – С. 591–627.
5. Смирнов В.Б. Литературная история «Отечественных записок» 1868-1884. – Пермь: ПГПИ, 1974. – 315 с.
6. Чернышевский Н.Г. Что делать? – М.: Детская литература, 1986. – 464 с.

Поступила 24.09.2004 г.

КОНЦЕПТЫ «СКУКА», «ТОСКА»

И МЕНТАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ ПРОЗЫ 1920-Х-1930-Х ГГ.

Е.Е. Лебедь

В предлагаемой статье исследуется изменение художественной семантики концептов «Тоска», «Скука» в советской литературе 1920-х-1930-х гг., совершается попытка расширить современное представление о феномене социалистического реализма через описание ключевых ментальных понятий.

Ключевые слова: концепты «Тоска», «Скука», русская и советская ментальность, советская литература

У статті, що пропонується, досліджуються зміни художньої семантики концептів „Туга” („Тоска”), „Нудьга” („Скука”). За допомогою ключових ментальних понять автор намагається розширити сучасне уявлення про феномен соціалістичного реалізму.

Ключові слова: концепти «Туга» («Тоска»), «Нудьга» («Скука»), російська та радянська ментальність, радянська література

The article studies the change of literary semantics of such concepts as “sadness”, “boredom” in Soviet literature of 1920-1930.

Key words: concepts “Yearning” (“Toska”), “Boredom” (“Skuka”), Russian and Soviet mentality, Soviet Literature

Среди концептов, наиболее ярко отражающих специфику русской ментальности, исследователи единодушно называют «Тоску» и «Скуку» [1; 5; 9; 11]. По свидетельству А. Вежицкой, в русском языке слово «тоска» и его производные на один миллион слов выпадают 89 раз [5, с. 510]. Заключение такого плана основывается на анализе классической русской литературы. То, что не приводится ни одного примера из советской прозы первых послереволюционных десятилетий, в высшей степени симптоматично. Тем не менее, при внимательном прочтении произведений этого периода нельзя не заметить, что в 20-е гг. слово «тоска» употреблялось не намного реже.

В современном литературоведении явно ощутим недостаток работ, посвященных ключевым ментальным понятиям, объясняющим феномен соцреализма. В попытке такого анализа заключается